Лауренсия Маркес

Лютня странницы

Поэтический сборник

"Лютня странницы"

Жанр произведения: Поэзия

Произведение написал автор BookBox Лауренсия Маркес

Ссылка на публикацию

Лауренсия Маркес

ЛЮТНЯ СТРАННИЦЫ

(Сборник винтажной романтической лирики)

* * *

В самом сердце сна моего

Цветёт она, райская роза,

И нет у неё шипов…

Апостолы Божии знают

То поле в июньских росах,

Где нежность её лепестков.

Устами – с колен – касаюсь…

(Я аромат вспоминаю –

И вихрь, словно крыльев взмах…)

А утром, когда просыпаюсь,

То всё ещё ощущаю

Сладость цветка на губах.

* * *

Ухожу в любовь – всё дальше,

На душе легко мне,

А всего, что было раньше,

Я уже не помню…

Рыцарь милый, брат любимый,

Ты проходишь мимо,

Мне ж твоё святое имя –

Краше всего мира.

Всё закончилось на свете

Светлыми очами…

Я люблю тебя навеки,

Вся душа – как рана.

То ль звездой, то ль странной птицей

Ты с небес спустился, -

Кто тебя просил мне сниться?!

Ты зачем явился?

* * *

Глаза в глазах, как в небе, утопают…

(Но он-то тут при чём, скажи на милость?..

Нет, стыд какой, - да кто ж любви так просит?!)

Ресницы – в бисере; души смущённой крылья

Восстали на меня – и не уносят,

И я стою перед тобой – лицо закрыла…

(О, хоть на это пригодились крылья!)

Посвящается любви

Как снежинка, с небес спустилась,

На ладони моей не тает…

(И трепещут лёгкие крылья

Мотылька, что не улетает.)

Ласточкиным крылом стучалась

В душу светлой весны порою…

(И всё сердце, мой друг, осталось,

Как и песня, навек с тобою.)

Что же, пусть, - ведь на то и сердце,

Чтоб дарить – без права возврата!

(И сама отворилась дверца –

От единого чистого взгляда…)

Встань на рассвете

Мой любимый, мой далёкий,

Как давно тебя не вижу!

Но надежды миг струится –

Радостной, светлой…

Не забыть тебя вовеки.

С глаз далече – к сердцу ближе.

Ты возьми письмо у птицы,

Встань на рассвете.

С алою борясь печатью, -

Сургучом служило сердце, -

Прочитаешь эти строчки:

Ветром по ветви…

Радость смешана с печалью,

Как с водой, - куда им деться

Друг от друга на листочке?..

Встань на рассвете

И возьми письмо у птицы,

Мой любимый, мой далёкий!..

Я прошу, хоть ты не веришь,

Повторяю, хоть не веришь,

И обеими руками,

Вся протянутая к солнцу,

Заклинаю, хоть не веришь,

Это сердце – лёд и камень:

Мой любимый, мой далёкий,

Встань на рассвете!..

* * *

… И осень жалобным крылом – Лимонным с красною каймой – Махнула, птица, под окном, - И шелест дом наполнил мой…

Раскинул ветви старый клён; Ветер, задумавшись, утих… В кого, скажите мне, влюблён Тот, кто не слышит слов моих?

Он не прошёл с улыбкой здесь, Не вспыхнул у моих дверей, - И слёзы из очей небес Потоком льются на людей…

А небеса твоих очей Грустить не стали обо мне, И не сбылось то, что моей Душе пригрезилось во сне…

Придёт, быть может, осень вновь, - Обнимет клён промокший тот Голубоглазая любовь И под окном моим вздохнёт? К образу Дерюшетты Горький миндаль с молоком - в прелестном Хрустальном горлышке бытия... Льётся голос души в поднебесной: - Ты больше, земля, жалеешь, чем я! Одним лишь пеньем он приворожен, Заглядывал в сад сквозь плетень весной. - Там жимолость, душистый горошек, Вьюнок, одуванчики и левкой... Неоперившимся лебедёнком Стрела покинула свой колчан... Но царь Давид душе, как ребёнку, Спокойно приказывает молчать. * * * На костёр за грехи чужие Осуждённая не по годам, - Эсмеральдой? Марией? Софией? - Поднимаюсь в готический храм... Тяжек крест, и под стоны органа Пташкой слабой вздрогнет душа. Vox caelesta и vox humana - Все в одном слились, чуть дыша... Кто же выдумал сладкой муки Имя - солнце земных имён?!. Бог-стрелок с золотым своим луком - Бес-губитель, Аполлион! - Клод... ты просто меня пугаешь. Неужели ты, сердца трель, Кроткого Христа оскорбляешь?! - Феб - вот имя тебе, апрель! * * * Лишь искушение приносит Нам это солнце, - яд в крови... И на коленях сердце просит Прощенья у своей любви. Музыкой, взятою от Бога, Раскрою крылья за спиной: Весна-весною у порога Встаёт отравленной волной. Покинем мы друг друга, милый, Но возвращаться я вольна... За что же я души всей силой Тебя любить обречена?

Платонические идеи

I

- Что думала я – догадался? –

О дереве высоком том?

И ты ведь птица, - сам признался! –

Давай в ветвях гнездо совьём…

Не кажется ль тебе, мой дальний,

Что тонкий приоткрыт покров? –

Высок мой терем, и хрустальный

Шпиль достигает облаков.

И станет небосвод весь – входом

Для нас в далёкую страну… -

Своей вершиною уходит

Хрустальный тополь в вышину.

II

- Ах, философия всё это, -

Всерьёз меня не пожалей. (Ключ ко всему: не жди ответа

От переменчивых друзей.)

Звучит Вселенная по нотам,

И девять сфер, все в унисон,

Поют о Благе для кого-то, -

Вот что поведает Платон.

Любовь смертельная: до гроба –

Всё, что о жизни знаешь ты…

Но зачарованы мы оба

Хрустальной прялкою Судьбы.

Труднейшая из притч

- Этого нам не понять от века:

Что выразить хочет птичий полёт?

Зачем летать не дано человеку,

Когда так светел и чист небосвод?..

Непостижим тот закон: над нами,

Цветом сливаясь почти со скалой,

Ползёт беззвучно змея, и волнами

Скользит её тело, блестя чешуёй…

Корабль днём и ночью странствует в море;

Мель, камни и ветер он встретит в пути… -

Орёл, змея и корабль – какое

У них стремленье? Что движет их?

- Орёл - птенцам добывает пищу;

Поручен ценный груз кораблю;

Змея беззащитную жертву ищет,

А ты – что делаешь?

- Просто – люблю…

* * *

Страницы гласят ненаписанных книг:

Светильником вспыхнуть во мгле,

Красавицей стать, королевой – на миг

Мне было дано на земле, -

И всё потерять, а тебя обрести

И, оставив мир, в небо лететь

И, коснувшись крылом крыла милой души,

Средь Вселенной от нежности петь…

* * *

Случится всё, о чём издревле

Душой узнать успели мы:

Пастух – полюбишь ты царевну,

Гусляр – певицу всей страны…

Что песни? – Душами владею!

Зовут на царство, - не пойду:

Покину всё, что здесь имею

И в глушь, к стадам, с тобой уйду…

* * *

И расцвела душа, и полились

Благоухания – мелодией без слова,

И каждый лепесток её лучист…

Миндальный цвет из посоха сухого.

* * *

Ты спишь на песке, не чувствуя зноя

(Не райский ли сад с родником тебе снится?),

А из ладоней моих с водою –

Капля за каплей – любовь сочится.

Ещё один шаг, – вновь прозрачная, светом

Пронизанная – в песке утонула…

Воронкой вьётся призыв безответный…

Зачем не я в пустыне уснула?

Ты не пробудишься, не узнаешь,

И не расскажут подруги-птицы,

Как океан весь к тебе несла я…

Беличьи кисти – твои ресницы,

Но ты меня не признал картиной,

Не разгадал в моём сердце ласку.

Непостижим мир… Несу, любимый,

Живую воду в другую сказку.

* * *

Кто милость мне подал такую,

Кто сердцу в вечность дал крыла?

Кого люблю? О ком тоскую?

Кому б я мир весь отдала?..

Огонь за пазухой не спрячешь, -

Он прогорит, оставив след…

Душа любви поёт и плачет,

И места нет ей на земле.

* * *

Я в добровольное то изгнанье

Сама уйду – на рассвете.

Ещё лишь минутку – на любованье

Миром прекрасным этим…

Не торопи же меня в путь дальний!

Я знаю, ты прав… И всё же, -

Зачем душа моя – гость печальный -

На мир этот так похожа?..

* * *

Милый друг мне встретился – сон мой первый…

Он имя моё не забыл;

Он шутил, смеялся и цвета неба

Подснежник мне подарил.

Но пусть я – мистик, а ты – философ, -

Я вижу: твоё – вне дорог –

Сердце иерихонскою розой

Летит по следам ветров…

* * *

Всё идти и идти вдаль, – тропинка

Не закончится, Озёрные глаза…

Ах, какая тут большая земляника! –

Что же ты мне раньше не сказал?..

Как сердечки такие вырастают

(Вот вопрос-то!) на тонких стебельках? –

Их в раскрытые ладони мне ссыпаешь

Ты с растерянной улыбкой на губах.

Неужель тебе совсем не важно это –

Быть царевичем моим иль дурачком?..

… И качается взад-вперёд под ветром

Конь твой в яблоках (с листочками притом).

Майский сон

Такие сны лишь май даёт. –

Каштаны белизной цвели,

И имя с нежностью моё

Твои уста произнесли…

И солнечный струился мёд,

И я твоих коснулась крыл И сном одним жила весь год…

Всё это сказка. (Да, - всё быль.)

Душа в прикосновеньи том

Руке твоей без слов сдалась.

Как сон, где мы в раю вдвоём,

Мечта забылась… - и сбылась.

… Зажёгся свечками каштан.

Прижавшись к чёрному стволу,

Любовь, как трепетная лань,

Лишь вздохом прикоснётся к сну…

В ЧАС РОЗОВЫЙ

* * *

«О Русь – малиновое поле
И синь, упавшая в реку, -
Люблю до радости и боли
Твою озёрную тоску».
(Сергей Есенин)

Пусть взгляд прохожего недоуменно спросит, -
В сторону ветер обрывки слов светлых относит, -
Я прошепчу, крестом осеняя в спину:
- Ты моя нежность, и мне тебя не покинуть…

Возьми за руку, будем дети,
Бежим в селение твоё,
Тамже алектор на рассвете
Про зорьку алую поёт.

Как зацепляют струны – злаки
На почти фетовских полях!
Смотри, как распустились маки,
Дышит роса на лепестках.

Зарево неба – все оттенки

Лампадным оттенит огнём… -

Клубничного варенья пенки

Как будто тают за окном.

И мальчик с первою звездою,

В тихий ответ на звон молитв,

Коня, как душу, над рекою

Водой прозрачной напоит.

* * *

В твои объятия, как в омут,

Бросаться кротко над водой!.. –

И слой русалочьего дома

Смыкается над головой.

Дед-водяной ворчливо скажет:

«Явилась всё же? – Мир забудь…»

И водорослями обвяжет

Тёмно-зелёными мне грудь.

(Я помню: там, на грани сказки,

Ещё до тайны букварей,

На вкус я пробовала краски, -

Была медовой акварель.

Напутствуя меня упрямо

На шторм, на сладкую беду,

На глянце рисовала мама

Ассоль, и парус, и звезду…)

Вновь брызг фонтан меня накроет,

И алой рыбкой - сердца всплеск…

Моей ль виною? – капля крови

Во мне мечтательская есть.

Гуттиэре

У неба счастья я просила, Но всё ж и море – властелин… Я жемчуг розовый носила Одно мгновенье, день один.

Прозрачный, - но как пламенеет Он на ключицах молодых! Как набирает цвет, краснеет Слабый раствор морской воды, Чью сладость в упоеньи тонком Не распознал бы граф Гварин… - Ты помнишь песнь про дельфинёнка? - Так это – я; и я - дельфин!

И называют все в таверне – Топительницею сердец, Хоть именем мужским – Gutierre! – Подвыпивший нарёк отец…

Найду в воде солоноватой То, с чем мир суши незнаком. – И камушком шероховатым Таится звук под языком… * * *

Гальки розовый камешек – по косой

Пролетел над берегом:

- Ты скажи, весна, - где желанный мой,

Там ли быть ему велено?

Ах, моё ли дело – копьё и щит?

В сарафане – на битву ли?..

От подруг – за волосы, что ль, тащить?!. –

Лучше ждать – с молитвою…

Вновь малиновки стаей на свежий куст

К сестре слетелись, крылатые, -

Так Эвника розовой пеной уст

Мрамор лобзала статуи.

Душу вновь в зарю – чёлн в волну – пластать,

Слёз ручьём политую; Заговор-приворот день и ночь шептать?.. –

Только ждать – с молитвою…

Да о чём всю весну проплакала я? –

Скажет только в сказке он:

«Ты моя зарница – ты жизнь моя,» -

Нежно так и ласково…

И, обняв руками обеими крест,

Припаду к Спасителю:

- Не могу отвоёвывать у небес –

Буду ждать – с молитвою…

Boat on the River "Take me back to my boat on the river..." (Styx)

Широкой полосой хлестнул закат

И лезвием, как рыбу, взрезал небо…

(В ранах его никто не виноват,

Но всё же лучше, чтоб один он не был…)

Матово-алый раскрывало зонт

Над нами небо… - Знаешь ли, любимый? –

Возьму тебя туда – за горизонт,

В Артемиополь – город невредимых…

Случается ль, чтоб об руку с луной

Шло по одной тропинке в небе солнце?!

Ах, моя радость! – Лебедя стрелой

Задев – рука в ладони остаётся…

Заря атласной лентою легла,

Корабль в волну вошёл под кров мистралей, -

И накренился борт, и от весла

Размеренные кру́ги побежали.

Небо в розовых облаках

Небо в розовых облаках, -

И в душе тихий струнный звон.

Мудрость детская ей дана –

Тонкий, белый льняной хитон.

И восторженный голос птиц

Осушает её от слёз:

Чистый, свежий, летит он ввысь

И доходит до самых звёзд.

Дождь окончен, гроза прошла.

Ветер, что печали унёс,

Словно пену, сдувает на край

Неба – занавеси из роз…

И, на миг приоткрыв в веках

В светлую мне лазурь окно,

Ангельская целит рука.

И душа – в ладони её –

Пьёт, как воду из родника,

Воздух, мир приносящий вновь…

Небо в розовых облаках,

И на свете живёт любовь.

ПЕСНИ СРЕДЬ ЛИЛИЙ

1

Ни слова, ни взора…

О, лишь на мгновенье

Помедли, продли утешение пытки!

Любовь моя, - вор мой,

Обманутый пеньем, -

Пришёл, чтоб похитить, и сам себя роздал до нитки…

В саду том поющем,

Где гибель нашёл он,

Растений, как змей, очертанья лукавы.

Опутали плющем,

Окутали шёлком,

В отравленный сон погрузили коварные травы…

Но сон тот – не к смерти.

Завет непреложен:

Кто в плен добровольно сдаётся – свободен!

Любовь моя – жертва;

Костёр уже сложен, Но в миг перед казнью палач на него сам восходит!

И тает поспешно,

Как будто не снилось,

Всё то, что дороже мне было вселенной:

Весенний подснежник –

Очей твоих милость, -

И уст твоих сладость, - отныне неприкосновенны…

И лилией белой

Зима прорастает –

Стеной неприступною от октября до апреля.

Любовь моя пела, -

Как птицы летают,

Как солнца лучи – всё живое теплом своим греют…

2

Босиком, в одежде белой,

Пред кустом стою горящим,

Что на небесах зовётся

Подлинной любовью…

Как нашла душа дорогу

К этой радости скорбящих?.. -

Тайну знают только звёзды

У изголовья.

И уже слова забыты,

Что тебе сказать хотела, -

Кто-то в свет меня возносит

Неизреченный…

Весь святой ты, весь омытый, -

И душа твоя и тело –

Как родник целебный, чистый,

Благословенный.

3

Голуби у источника вод –

Как глаза твои светлые, нежность…

Осеняют, как облака, небосвод

Перья крыльев твоих белоснежных.

Не презришь ли песней моих простоту? –

Всё затмила страдания сладость.

Я по улицам и площадям пойду, -

Но найду ль тебя, моя Радость?..

4

Ах, как ласков свет,

Что на землю с неба льётся! –

Радуются голубь и олень.

Потому в ответ

Сердце песнью отзовётся

В самый сладостный, чудесный день.

Вся земля поёт

И лучей привета жаждет, -

Ангел пробудил её от сна.

Может быть, придёт

Свет очей моих однажды

В те селенья, где теперь весна?..

Дождь в селеньях тех

Миновал, и лёд растаял, -

Время пенью горлиц настаёт.

Лилия - как снег -

Средь долины расцветает,

И нарцисс Саронский там растёт…

Сердце, как копьём,

Светлой пронзено любовью, -

Глубока, смертельна рана та.

Имя же твоё

Алою, как капля крови,

Розой расцвело в моих устах…

Да о чём же я

Так тоскую, - к небу ль ближе

Иль к тебе, мой друг, душа спешит?..

Яблонька моя,

Скоро ль вновь тебя увижу,

Скоро ль ветер с юга прилетит?

И при встрече той

Что скажу? – сама не знаю,

Все слова теряю, княже мой…

А душа – свечой

С каждым вздохом больше тает,

Каплет воск горячий на письмо…

И не знает друг,

Как по нём томится ныне

Сердце, - точно плавится в огне.

Без меня пастух

Милый тот уйдёт в пустыню,

Он не возвратится уж ко мне…

Сердце, как копьём,

Горькой пронзено любовью,

Хоть о ней ты слова не сказал.

А душа поёт,

Только каплет светлой кровью

Сок берёзы на мои глаза…

5

Яблоневый сад под небом синим,

Сад невиданной доселе красоты…

Где была сухая земля пустыни, -

Вместо тёрнов у ручья цветы.

Ветерком овеянные свежим,

Почки распустились на кустах,

Расцвели смоковницы, и нежный

Слышен голос горлицы в ветвях.

Там прохлада, и благоуханье

Лилий сладко у прозрачных вод…

В сад тот на последнее свиданье

Голубица чистая придёт.

Что вам, стражи города, известно

О любви, что в сердце расцвела?..

Милый друг прекрасней этой песни,

Но надолго с ним в разлуке я.

Столько слёз во мгле ночной пролито, -

Сколько снов ещё тебя искать?..

Где же мой возлюбленный?.. Скажите, -

Пусть придёт он в яблоневый сад.

Я плоды гранат и мандрагоры

Для тебя в корзинке сберегла;

Вновь взошла на мирровую гору

И тебя, возлюбленный, ждала.

Запертая дверь - святая тайна,

Запечатан был колодезь мой…

Ты загадку, милый, разгадай мне:

Как с твоей я связана судьбой?

И как путь нашёл ты к сердцу девы? –

Не смогу ответить ничего…

В яблоневый сад открылись двери –

Для тебя, любимый, одного…

Полевою ланью заклинаю –

Светлой не лишай меня мечты…

Вот весна настала, - расцветает

Яблоневый сад моей души.

В очах отразившись голубиных,

Небо изольёт на сад свой свет…

И встаёт над белою вершиной

Чистый-чистый розовый рассвет.

6

Ты в белом сияньи,

И солнцем вечерним

Твой дом озарён на другом берегу…

Я просто люблю тебя, -

Больше, наверно,

Я в жизнь возвратиться уже не смогу.

Я не укоряю,

Но грустно признаюсь:

Лишь светом души твоей светел был мир…

О Радость моя,

Незакатная радость, -

Обет наши души вновь сделал детьми.

Пусть даже разлука

Здесь, во искупленье, -

Мы сами судьбу выбираем свою.

… И вынесу всё, -

Чтоб сбылось сновиденье,

В котором встречаешь меня ты в раю.

7

Как голубь ласковый, ко мне

На плечи лепестки слетали…

Сбылось свиданье, как во сне,

И песни пела о весне

Свирель моя – вся нежность мая…

Души касается крылом

Акаций белое цветенье…

(Хранит прозрачный водоём

Звук имени на дне своём,

Но тайна – камень драгоценный).

Уста карминные Кармен

Клянут, клянутся, дерзко свищут…

Но голубиный цвет – смирен:

Когда сдаются в вечный плен,

То от любви любви не ищут. –

Родиться выпало бы мне

Одной из неразумных дочек,

Что вместо золотых перстней,

Венцов в сиянии огней

Просили – аленький цветочек!

(А странницы бы разговор

Вели о дальних землях древних,

Где среди чудных белых гор,

У синеоких у озёр

Росли кудрявые деревья

И сладкий приносили плод…

И холод не сходил в долину;

Как час был день, как день был год, -

Да шёл ли времени отсчёт? –

О ночи не было помину…)

Я ж на корабль чужой взошла, -

Куда он плыл, никто не ведал;

В синих очах судьбу прочла, -

И гусли в руки я взяла,

И сказки пела до рассвета.

И, зелье за нектар приняв,

Обманный я пила напиток. –

На берегу, при свете дня,

На память взял ты у меня

Кольцо, и крест, и песней свиток.

А паруса шептали нам

О вечности той ночью длинной…

Звон тонкий слушала луна, -

Но пальцы ранила струна,

И сладкие (как мёд полынный!)

Хрусталинки – мой светлый дар –

Струятся медленно сквозь веки…

По снам вела меня – звезда,

И ей пути свои отдам

Теперь – и навсегда. Навеки…

Нежней, синей цветов земных

Небесные глаза-озёра…

Но заслонили скалы их, -

И чёрный ангел скрыл свой лик,

И белые сомкнулись горы…

Веретено своё крути,

Душа, и нить тяни - земную! -

Любви такой – нельзя пройти. –

И мне иного нет пути,

Как только – вслед, миры минуя…

Но не дошит ещё воздýх,

И к Финисту всё медлит Сирин…

Твой путь – ещё не мой, о друг,

Пока я не стяжала дух

Терпенья и любви, - дух мирен…

Повремени на краткий миг:

Тень скоро сложит крылья, чтобы

Дотаять у дверей твоих…

И тихо скажут о двоих:

«В едином камени – два гроба»;

Двойное – в пламени одно –

Свечей двух ровное горенье…

Я имя опущу на дно. –

В один лишь в жизни май – дано

Увидеть белое цветенье…

8

Мириады чистых слёз – алмазинки дождя

В ливне проливном волос искрятся, в перстах…

Суламита, оглянись: посмотрим на тебя.

Это чудо сотворила сама Красота.

Вся в жемчужных каплях ты, сияющих, как день, -

И в виденьях тебя созерцал такой…

О сестра моей души, ожерелье надень –

То же, что и в день первой встречи с тобой!..

Я к тебе ни разу рукой не потянусь,

Мы средь разных с тобой затеряны времён.

Лишь прощальным взглядом тебя коснусь –

Чтоб ты помнила, что есть на свете Соломон…

О любви пусть шепнёт тебе ландыш в росе,

Что головкой поник средь моря белых цветов:

Слыша голос твой, склоняются все

Пред тобой они, жительница садов…

9

Это не закончилось, любимый,

Перейдёт за жизненный предел.

Непреложно и неразделимо, -

Как язык произнести посмел?!.

Да, - о нас высокое сравненье…

Этим нитям нет конца;

Никому не изъяснить значенье

Надписи кольца.

Вечные мы странники и дети…

И предрешено

То, чему для нас – на этом свете –

Сбыться не дано.

Нежностью смертельною и болью

Краткий соткан век…

То, что к нам пришло – не нашей волей, -

Не пройдёт вовек.

КУДРИ НОЧИ

Единственный в мире

От смущения не подниму ресниц…

Моя нежность к тебе не знает границ.

Есть ли я без тебя, или лишь твоё

Отраженье, эхо?..

Мне одна отныне мечта: уплывать

По теченью музыки слов, - целовать

Руки милые – до скончанья века…

Душу с радостью за тебя положу.

На тебя корону не возложу:

Не твоим кудрям – эта тяжесть.

Осторожно дыханьем по ним провожу:

Руно агнчее… - Слова не скажешь.

Улыбнёшься, в глаза посмотришь мои…

Как мне скрыть вихрь внезапный всесильной любви,

Огнь непреодолимый?..

Я лукавить с одним тобой не могу.

Боль смертельная – не пожелаешь врагу. –

Безоружна, любимый.

Ты моё наказание – и благодать.

Мне от этих стрел – не спастись, не восстать,

И в страдании – радость.

(За тебя на коленях в молитве сгорать

До рассвета, - вот сладость…)

Образ твой предо мной непрестанно стоит.

Вдоль всей жизни нитью

Будет песнь концами в вечность скользить…

«Ты навеки, - как клятва, в глубинах звучит, -

Сердцу брат и хранитель».

Кончик локона тихо к губам приложу…

Мы в предгорьях ночи,

И уже к видениям восхожу, -

Я тебе о звёздах моих расскажу,

Если ты захочешь…

Часовой

Цепи племён иных, века и страны

Проходят по мосту,

И пропускает мимо караваны

Хранитель на посту.

Меня не сдвинуть никакою силой,

Хоть невелик мой рост. -

Зажглись уж надо мною два светила,

И волхв я этих звёзд.

Ночь, - очертаний не коснусь рукою.

Мир умер или спит…

И от земли до неба – над рекою

Встаёт горящий шпиль.

И сладостно от жизни отрешиться,

Преград нет на пути…

Душа моя распластанною птицей

В фонтане искр летит…

Амур и Психея

Ты был таинственным принцем

И спал очарованным сном,

А я над кудрями твоими склонялась с лампадой.

И капля, упав на чело,

Кровавый оставила след… -

Светильник в руке моей был совершенно не к месту.

Потом я искала тебя,

Скитаясь в мире огромном;

Пришлось босиком по камням мне идти и изведать, что значит боль.

А прежде я знала лишь радость

И нежность, и светлый полёт,

И трели рождались в горле моём на рассвете…

У пропасти на краю

Лишь вспомнила я о тебе,

Но нас уже разделяли высокие горы.

Не сможет неверность моя

Преграды преодолеть,

Дойти до тебя сквозь сложные испытанья…

Уж много веков прошло,

Забыли люди о нас…

Когда мне грустно, шепчу себе в утешенье:

Когда-то, давным-давно,

Мы жили в других телах,

И звали древние нас – Амур и Психея…

В ОЧАРОВАННЫХ КРАЯХ

* * *

Вьётся и вьётся, всё вдаль, тропинка,

Смотрит задумчиво лес…

Божье дыхание в каждой травинке

И тишина небес. –

Так уж даровано: жизнь земную

Мерить весь век по той,

И созерцать, и жалеть, любуясь

Мира Его красотой;

Раны и грусть за плечами оставив,

К свету сделать шажок…

(Боже, зачем меня в мир поставил –

С клавишною душой?!)

Лиственное проникнет кружево

Солнечный луч – и вновь

Душу мою осенит незаслуженно

Милость Его и любовь…

* * *

На розовеющей лесной заре,

В предутренние робкие часы

Ты мастеришь жемчужную свирель

Из капелек невысохшей росы.

Протянуты над берегом речным

Ив-вышивальщиц узкие персты…

Смотри, как дольний мир невозмутим,

Как отражения его чисты!

В объятьях замершей на цыпочках души

Младенцев несказанный сонм притих…

Храните колыбели, камыши, -

Блаженна неприкосновенность их!

Сокровище, где трели в забытьи

Ждут, чтобы оживил их лёгкий вздох –

Под сенью крон задумчивых таи,

Где мягче бархата зелёный мох.

От века соловьиные сердца

Под серым оперением цвели;

Не отверзай пред знатными ларца,

Но странникам жемчужинки дари!

Ты можешь крышку отомкнуть ключом

Лишь прежде света, углубляясь в лес:

Под солнечным безжалостным лучом,

Как манна, тает сложенная песнь…

Musique du silence

Я странник, заблудившийся в пути,

Себе самой неведомая птица,

Невидимая нотная страница, -

Мелодия должна сама найти

Пристанище в линованном листке,

Когда спастись не сможет от погони…

Я льдинка в чьей-то греющей руке, -

Хрустальная полоска вдоль ладони,

Вечерний ветра след на лепестке…

Я возвращалась к детству своему

По ниточкам от полотна дороги:

Там были эльфы… и единороги,

И аист-властелин… и крошка Мук.

Возможно ль – новый облик обрести

И утром в мире сказочном очнуться?

Гармонией несбыточной сойти

Однажды с гор – и больше не вернуться…

(Как мало в мире неоткрытых слов

И как их относительна свобода, -

В несовершенстве каюсь перевода,

Но ангельских не помню языков…)

А на краю небес – взгляни туда –

Тумана шёлк в струящихся извивах

И, средь волос затерянная ивы,

Мерцает одинокая звезда, -

Ты ей, мой друг, внемли…

Фея жемчугов

“C’était à cause de cette déité, de cette fée des nacres, de cette reine des souffles, de cette grâce née des flots, c’était à cause d’elle, on se le figurait du moins, que le

souterrain était religieusement muré, afin que rien ne pût jamais troubler, autour de ce divin fantôme, l’obscurité qui est un respect, et le silence qui est une majesté.” (Victor Hugo, “Les travailleurs de la mer”)

На гребне волн, у берегов

Страны своей мечты,

Ты видел фею жемчугов –

Нездешней красоты…

Но чаек был тревожный крик

Предвестием беды, -

И вот она уже чрез миг

К тебе поверх воды

Шла лёгкою стопой… На ней

Чудесный был наряд.

И проникал до дна морей –

Как в сердце – синий взгляд…

И, хоть не мог бы человек

Своим стать в царстве фей, -

С венком кувшинок ты навек

Отдал всё сердце ей.

А в струях золотистых тех,

Что с плеч её текли,

Небес мерцали звёзды всех –

И все сердца земли…

По радуге-мосту

Свирель над радугой поёт,

И копий слышен звон, -

Не оглянувшись, ты вперёд

Стремиться обречён.

Сама, твою жалея жизнь,

Предостеречь хочу:

Остановись, поберегись! –

В последний раз шепчу…

О, будет сладким зелье то –

Единственным глотком!

Коль скоро ты вкусишь его,

Не вспомнишь ни о ком.

Здесь, в дебрях, озеро лежит,

Пар – как фальшивый нимб;

Ты по соломинке спешишь,

Протянутой над ним.

Я жителей ночных светлей,

Но вредоносна – вам, -

Из тех цветочных юных фей,

Что чужды временам.

Скрыт за зелёною травой

Здесь оборотней сонм,

За человеческой душой –

Волшебной крови стон!

Ты не бродил стезёй моей,

Не пил вино из звёзд,

Там, где сребрится меж ветвей,

Мелькает рыбий хвост.

Что ты, прохожий, знал о нас,

О мороках лесных? –

Поют дурман и белена

И навевают сны.

Спою, и сказку расскажу,

И петли заплету.

Я заведу, заворожу

По радуге-мосту.

Дивиться будешь, в рог трубя,

Как изменился лес…

О, пожалей хоть сам себя! –

Обратный путь исчез…

Был бы ты, человек, мне брат,

Была бы я земной, -

Я подала б тебе не яд –

Целительный настой.

Руки мои лишь то вершат,

Что велено судьбой. –

Поверь, что и меня страшат

Те чары над тобой…

Лебедёнок

«Только, ставши лебедем надменным,

Изменился серый лебедёнок.

А на жизнь мою лучом нетленным

Грусть легла, и голос мой незвонок».

(Анна Ахматова)

I

Сохранилось о первой встрече

Лишь немного: гаснущий свет,

Мелкий дождик, весенний вечер,

Тонкий, резкий твой силуэт.

Пристален – и строгий, и детский,

Из-под длинных тёмных ресниц

Взгляд твой благоговейно-дерзкий, -

В нём пугливая гордость птиц.

Если б ангелом светлым стала, -

Дождь коснуться б тебя не смел:

Я своим крылом закрывала

И от капель бы, и от стрел…

Кто же ты? – Долгожданный рыцарь

Со страниц позабытых книг?

Мой защитник, мой мальчик чистый,

Мой возлюбленный ученик!..

Ты – искристый клинок кинжальный,

Острый луч далёкой звезды,

Блеск серебряный и зеркальный

Ключевой ледяной воды… Ведь два года прошло… Неужели

Ты всё время помнил меня

И иного не нёс служенья,

Искренне мне верность храня?

Или ты миражом моим станешь,

Снова рану душе нанесёшь,

И забудешь легко, и оставишь,

И к другой от меня уйдёшь?..

Вспыхивает, подолгу тает,

Трепет нежный таит свеча. –

Каждый вечер грущу и мечтаю,

А письма не решусь начать…

II

Это чувство и хрупко, и тонко,

Я вхожу в него, чуть дыша… -

Колокольчик задела звонкий,

Приближаясь к тебе, душа.

Золотым, лазурным и белым

Одевается цветом сад;

На рассвете над ним запели

В небе сказочных птиц голоса.

Этой музыке в слове тесно, -

Дать ей крылья сумею ль я?..

О сокровище, сладость сердца,

Драгоценная тайна моя!

Я смущаюсь, теряю дар речи,

Погружаясь в твои глаза, -

На каком из земных наречий

Осязаемость чуда сказать?..

III

Обновились пространство и время

У прибрежных гладких камней…

Витязь с белым пером на шлеме,

Что же знаешь ты обо мне?

Прежде я не могла бы представить,

Но настал очарованный час.

Пришло время меня переплавить,

Одной крови – графит и алмаз.

Разве жизнь отдала напрасно,

Если радость одна звучит? – Сердце – болью исходит прекрасной,

Горло – песнью, как горн, горит…

Несказанный мой – от заката,

Знаю, там до зари меня ждёт… -

Я к твоим мирам без возврата

Поплыву, лишь солнце зайдёт.

Восставать, рассыпаться и таять,

И взлетать, и вздохнуть не сметь…

К лебедёнку любовь такая,

Что самой впору лебедем петь.

IV

«De leur col blanc courbant les lignes

On voit dans les contes du Nord

Sur le vieux Rhin, des femmes-cygnes

Nager en chantant près du bord...»

(Théophile Gautier)

Я не помню ни место, ни время,

И солгать на истину жаль, -

Лебединое белое племя

Проплывало по озеру вдаль

Днями долгими и ночами

В белизне совершенно-простой,

В камышах всколыхнув молчанье

Несравненною красотой…

Крыльев царственных тихий шелест,

Стройной шеи дивный изгиб,

Воплощённая хрупкость, прелесть

Серебристая лунных игл;

И вовек не найдёт забвенья

Лебединой принцессы взгляд:

Драгоценный венец в каменьях –

И глаза, как звёзды, горят.

Снова – струн незримых аккорды,

Повторяется давний сон:

Вереницею плавной, гордой

Лебединый следует сонм… V

«Une femme mystérieuse,

Dont la beauté trouble mes sens,

Se tient debout, silencieuse,

Au bord des flots retentissants. (…)

Sous leur transparence verdâtre,

Brille, parmi le goémon,

L’autre perle de Cléopâtre

Près de l’anneau de Salomon.»

(Théophile Gautier, «Cærulei oculi»)

Из нежных лилий создана

Непостижимою рукой,

Невеста – белая звезда –

Стоит над бездною морской.

В памяти эхом прозвучит

Тонкость перстов и бледный лик…

И то кольцо, что дно хранит,

Дороже ей всех царств земли. –

Лазоревый свой сея свет,

Упорно смотрит в глубину.

Не бросится – не бойся, нет! –

С обрыва чайкой на волну.

Легка и как хрусталь чиста,

Загадочна – обычай фей, -

Стоит, как белая звезда,

Как встарь над Рейном – Лорелей…

Единорог

«… и возлюбленный яко сын единорожь».

(Пс. 28:6)

В детстве он был совсем как лошадка –

Тоненький, милый, смешной…

Шёрстка была белоснежною, гладкой,

Грива – кипенной волной.

Следовал всюду за мною тенью

Маленький верный друг,

Яблоком и овсяным печеньем

Лакомился из рук.

Я на нём ездила в гости и в школу. –

С виду – прозрачный хрусталь,

Крепким он был, озорным и весёлым,

Копыта – твёрже, чем сталь. Но с ним однажды нечто случилось:

Вечно таить он не мог, -

Во лбу звездою возник лучистой

Чистого золота рог…

И так своё обнаружил призванье

Царский сын, гибкий, как лук, -

Я мелодичное слышала ржанье,

Песни торжественной звук.

Гриву откинув, тревожным взглядом

Мир он обвёл – и со мной

Встал, трепеща, роя землю, рядом,

Робкий и гордый герой.

Долгие годы мне будут сниться,

Сердце тянуть к слезам

Эти невиданные ресницы,

Каплями смол – глаза!

Нарисовать его – как я дерзнула?!.

Этого он не хотел;

Белое пламя – движеньем спугнула,

Белой стрелою летел.

Чем необдуманно, может, обидела

Редкостного моего?..

Скоро ль вернётся? – Не знаю, не видели

Люди пока его…

И возвращается непокорное

Воспоминанье-ожог:

Не появлялся ль на улицах города

С венчиком единорог?

По всем приметам, скоро дорога

Предстоит дальняя мне:

Снова в тумане единорога

Видела я во сне…

Феникс

Кажется, что посетил

Гость нежданный тихий дом:

Это феникс осенил

Огненным крылом.

Лишь дыханье, не игра –

Пламя из его груди… -

Это феникс, и добра

От него не жди!

Поселился прочно он,

Как бы на всю жизнь…

Это феникс, - нет, не сон.

Хочешь – прикоснись.

Сноп искрящийся воспел,

Пепельным столпом погас… -

Это феникс, - так теперь

Будет каждый час.

Сам себя воздвиг, и вновь

С песней жизнь приносит в дар…

Это феникс, - будь готов

Пережить пожар.

Шум крылатый в вышине. –

Друг мой, я спешу, прости:

Это феникс, и ко мне

Прямо он летит…

Грифон

Неладно скроен – крепко сшит:

Для горбунов – свои законы…

Кто скромный подвиг осветит

Трудолюбивого грифона? –

Он кряжист, замкнут и не слаб,

И всё изобретает порох…

И отпечаток тяжких лап

Таят задумчивые горы.

От «помеси льва и орла»

Отмахиваетесь устало,

Но тусклый свет рудничных ламп

Ведёт нас к сердцу копи старой,

Где молча он, в поту, в пыли,

Но с неизменною улыбкой

Средь грохота и жёлтой мглы

Дробит бесформенные глыбы.

Что одарён, не знает сам, -

Застенчивостью он известен.

В его владеньях к небесам

Восходят цепи эдельвейсов, -

Как ценит суетный их свет!..

Упрямый взгляд подчас печален:

Он подлинный в душе поэт

И даже чуть сентиментален.

Как знать? – Совет один вам дам:

Если останетесь друзьями,

Добудет золото он вам,

Глядишь – и философский камень…

Великан

Когда в жилище мышки с птичкой

Забрёл красавец великан,

То под ногой коробкой спичек

Сломался шкаф, затем диван; Стол затрещал, как старый хворост;

Ступил он - вновь раздался хруст! –

Встал у жильцов бы дыбом волос,

Если б в тот час дом не был пуст.

«Грабители громили дом ваш,

Или пронёсся ураган,

Иль погорели вы?» – «Всего лишь

Ошибся дверью великан…» В прихожей вдруг волною гулкой

Пронёсся голос громовой,

Сравнимый лишь – по силе звука –

С иерихонскою трубой.

Колыбельная для бельчонка

Круг золотой спешит домой,

Всё в синей тьме уж тает…

Сомкни глаза, бельчонок мой,

Деревья засыпают.

Раскачивает ветер их

От корня до верхушки,

Твой хвостик мягкий шевелит

И кисточки на ушках.

Коснулся края он небес, -

И звёзды с тихим звоном

Осыпали затихший лес,

Озвучивая кроны.

В дупло к нам первый сон придёт

С лукавою усмешкой. -

Ты в нём горсть звёздочек найдёшь,

Чтоб грызть их, как орешки. Песня старого колдуна Деревьев сень в отрадный час погожий, Стрекоз полёт над чистою водой… Я мхом оброс, корой покрылась кожа, До пят обвит густою бородой. Бывало, встарь – куда ни глянь, всё кумушки бредут (Пускай хоть в этих бы краях их не было ноги!), Лепёшки, эль, муку и сыр, и молоко несут… (Кот: - И с рыбкой пироги…) - Цыц! - И столько их, что под конец хоть в лес от них беги! Цыплят уносит коршун, - Прибил супруг с утра, - Влюбился сын, - в солдатах брат, - сломал осёл хомут, - Там гложут гусеницы сад, - Тут мыши в погребе кишат… - А отдуваться мне за всех, похоже, одному! Ох, тяжела ты, слава колдовская! Из уст в уста её передают; Теперь в любом углу родного края Издалека меня уж узнают. А в самую глухую рань, - хоть плачь, будь на ногах! И жалко бедный мне народ, да подыматься лень. А те уж мнутся на крыльце с корзинками в руках… (Кот: - Сметанка с деревень…) - Цыц!! - Так с горя треснешься об пол, да обратишься в пень… Здесь уток лис таскает;

К тем воры влезли в дом; Тут лихоманка; там чума, чесотка и колтун; Та двойню носит без венца; Ту силой гонят за вдовца, - А кто защита им от бед?– почтеннейший колдун! В иные дни на свет бы не глядел я. Уж сколько раз – и гнали, и кляли! Напраслину возводят от безделья, И вот опять - плетусь на край земли… Однажды в праздник вдруг ко мне сельчане собрались, - Глазеют молча и теснят всем миром старика. Тут крикнул кто-то – и толпой за узелки взялись… (Кот: - А там - окорока…) - Цыц!!! - А там и целый град камней, и вилы мне в бока! Бодливы стали козы; Свалился с дуба внук; Оглохла бабка; пьёт отец; в грозу сгорел овин; Подружка парня увела; Да саранча в поля пришла, – Ну, кто причиною всему? – понятно, я один!
---— В закатный час тумана шлейф зелёный, Да чайки крик над сонною водой, - Я скрылся в тишь, на остров отдалённый, Чтоб наконец свой обрести покой… Шотландская боевая На холмах волынки воют, Копья все готовы к бою, Ветер треплет знамя; Впереди же на коне, В шлеме остром и в броне - Тан Аласдар с нами. Кто под вражеской стрелой В бегство обратится? - Под волынки дикий вой Нерушимою стеной Стой, Шотландия, и пой - Трус тут не родится! Гэльский дух – что сокол вольный; Я на равных в чистом поле После пинты виски Сам, не требуя наград, Потягаться был бы рад С королём английским. Сэр Аласдар с нами был. Мы вассалы тана; Он в набегах нас водил, С нами хлеб и эль делил, Рядом на земле стелил Плед с тартаном клана. Гор родных зовут вершины,- Иль погибнем, как мужчины, Иль к победе вместе! Ждите, милые края, Эйли нежная моя; Пой, Шотландия моя, Славы нашей песню!

Гадание на огне

Вы были всадником древнего рода

Из дальних болотистых мест…

Помню, как шли Вам камзол не по моде

И золотой эфес.

Видели серые Ваши ботфорты

Тысячи пыльных дорог…

И на щите был герб полустёртый –

Белый единорог.

А я была маленькой кельтской колдуньей

В венке из кувшинок и роз,

Травы срывала в лесу в полнолунье,

Доила крестьянских коз,

Знала секретные все тропинки,

Песни речных камней.

Было дано мне, умывшись росинкой,

Птиц понимать и зверей…

К свету костра слетались звёзды.

Я рок вопрошала свой…

Чище росинки – как Божьи слёзы –

Ваша душа предо мной.

Навстречу русалочке

Я кротких таких не встречала глаз, -

Смогу прошептать едва…

Все, сколько в мире их есть – для Вас

Ласковые слова.

(И прежде видела Вас, мой друг,

Гадая по знакам рун,

Но пальцы чуткие Ваших рук

Моих не касались струн!)

Пытаюсь в течение многих дней

Я от самой себя скрыть…

И чары теперь не помогут мне

Сердце своё победить,

Напиток не защитит колдовской

Из заговорённой травы…

Навстречу русалочке, деве морской,

Пойдёте ль, доверясь, Вы?

(Заря взошла, улыбаясь светло.

Ты тени снов не лови…)

О, имя Ваше, - как солнце, теплом

В моей разлилось крови!

Неизреченной музыкой всей,

Всей нежностью Вас люблю… -

За легкомыслие прежних дней

Простите душу мою.

* * *

Тонки ниточки этой судьбы…

В скважину луч проникает,

Отворяя волшебный ларчик

Тихой ночью в комнате тёмной.

Сны картинками выплывают,

Оживают мечты, воплощаясь в видениях странных,

И на тёмной стене лучом

Вышиты причудливые узоры,

Символы сплетены в них и знаки…

Разноцветных заглавных букв

В рукописных книгах

Так же радостным трепетом вид наполнял меня в детстве…

Золотые застёжки раскроются сами,

Когда час мой придёт…

Сон: как, дерзко решившись однажды

Разгадать судьбы своей нить,

Вдохновенной осенней ночью

Я иду по затихшему дому,

Ветхой лесенки и половиц

Приглушая скрип осторожно.

Луч златой ларец открывает…

На дне ларчика вещи лежат –

Белоснежная чистая ткань,

Крест большой и старинная книга. –

Не осмеливаюсь прикоснуться…

* * *

Стих закат над светлой осенью,

Затаился в облаках.

Стихопад… Лесное озеро В очарованных краях.

«Но скажи, за что изгнание,

Даже если был неправ?

Отменяешь ты избрание,

Госпожа моя сестра».

За одно лишь слово дерзкое

Вдаль отослан навсегда. –

Капнула слеза на зеркало,

Затуманилась вода.

И предстал в нежданном образе В отраженьи даме он:

Рядом с ней в заклятом озере Уж не рыцарь, а дракон!

Был расколот поколебленный

Хрупкий дар, озёрный мир, -

И осколок тот серебряный

Близко к сердцу подступил…

На колени встал, закованный В чешую напрасных лат, -

Королева златокосая

Руки всё же отняла…

Бледный лист упал, как вычислил, -

Чтоб и тени разделить…

И велит её величеству

Гордость – первой уходить.

«Я плыву к другому берегу, -

Рыцарь милый, оглянись!

Ты стоишь под стройным деревом, -

Как забрало, строй ресниц…

Но твоей улыбки мужество

Мною разоблачено…

Листьев золотое кружево

Нимбами окружено.

Вот взлетят стволы хрустальные –

И печали не помочь…»

Вдоль по лугу – самой дальнею

Побрела тропинкой прочь:

Голубые – голубиные –

Очи затопили луг…

А уста горят рябиною,

Алой горечью разлук. Снежное сплетение

Дышит вьюжное кольцо,

И зимы-царицы

На точёное крыльцо

В блёстках шлейф ложится.

В плавей нежное тепло

Растворились зори…

В шёлк лазурный намело

Бисера узоры.

Слышишь, как туман прядёт

Пряжу с серебринкой,

К берегу склонившись, пьёт

Воду с хрусткой льдинкой?

Гулким камушком луна

Задевает ветки,

В облака скользнёт она

Ледяной монеткой.

Светлою стрелой летит,

Сеет всадник быстрый

Тонкий звон из-под копыт

Ручейком искристым.

То ль напев, то ль разговор

Сверху раздаётся,

Где девичий звёздный хор

Стайкой резвой вьётся:

Как стеклянною, звенит

Лошадиной гривой,

Вдаль прохожего манит

Смехом шаловливым.

И у сердца моего

Вспыхивает свечка. –

Разлилась на Рождество

Радость тихой речкой…

ТАЙНЫ АРРАССКОГО ДВОРА

Ниточка к луне

Весна хороша так, а ветер – что мышка… -
Котёнок играет с клубком и мурлычет,
Он ниточку тянет к себе.

И вдруг - из тихого дома, неслышно
(И кто их всех в марте на крышу кличет?),
Спешит на всех лапках к луне…

Ах я язычница!.. Но зачем же
Ты мирт мой до дыр протираешь пемзой –
Чтоб имя верней забыть?!

(Не Афродитой уж, не Селеной, -
Душе осталось притворно-смиренной
Пушистым котёнком лишь быть…)

Снегурочка

Дочь Солнышка я, - а вот ты, мой Лель,
Не из снежинки ль сотворён, случайно?..
Скажи, не ты ль свою забыл свирель
У моего крыльца? – Вот вся и тайна…

Давно известно всем, что на лугу
В пастушеских напевах зеленеет!

Весны я не приметить не могу,

Наивный мальчик! – Врёт и не краснеет…

Сама, средь пней лесных, мой сударь Лель,

Я вызываю Вас на поединок!

Растопит на руке моей апрель

В хрустальных брызгах звонких сердце льдинок.

Шотландская легенда

Король пил вересковый мёд, -

Кто сердце короля поймёт? –

И к Джен попал он в плен…

Дева эльфийская она;

В венке лучей стоит весна,

Ведь нынче королю должна

Сказать так много Джен!

Что Дженни скажет королю? –

«Прости меня, тебя молю…» -

Ах, если б стало так!

Но кто постиг бы сердце Джен,

Кто счёл бы, сколько в нём измен? –

Ведь Дженни – не проста!

Горечь и сладость – в один миг

Тому, кто в душу ту проник,

Испил от уст её…

Хоть вереск дикий расцветёт

И сладким горький станет мёд, -

Как вновь король в горах найдёт

Ту, что искал давно?

«А Джен – не любит короля!» -

О чём тогда поёт земля?

«Что на дворе – весна;

Пришёл к нам юношей Апрель,

Светлый и звонкий менестрель,

Высокий – до окна.» Элоиза и Абеляр - Входите, монсеньёр. Я Вас ждала... (Глагол amāre в языке латинском - Один лишь, кажется, и поняла... Прочёл ли, Пьер, ты до конца записку?!) - Нет, нет - молчите... - не отводит глаз Она от лика, будто он - картина. (Ах, Элоиза!.. Он не стоил Вас, Вам заслонивший тексты Августина!) Умолкла девушка - но за неё весны Певучий, нежный голос отвечает: - Ах, может быть, - бывают ярче сны. Но лучше Абеляра - не бывает!

Tibi “Por los ojos de la monja galopan dos caballistas.” (Federico Garcia Lorca, “La monja gitana”)

Шрифт готический, латинский, узкий,

Тонкие стволы олив и горы.

И вставал пейзаж изящный, грустный

В синей дымке, - клавесин в миноре…

Россыпью хрустальной, непрестанной

Звон, - то о прощеньи иль прощаньи?..

Слишком нежной памятью восстало

Из глубин души воспоминанье:

В сумерках ты проходил, мираж мой,

И перо – мишенью над беретом…

И часов старинных бой на башне

Возвещал расцвет перед рассветом.

Разворачиванье светлой ленты:

Ухо – ловит, сердце – в бусы нижет

Звук всё удаляющейся флейты

И шагов незримых, - берег ближе…

Уманил, - и повлеклась за тенью

Безответственно и без корысти.

Вздох и голос, - магия: смятенье.

И ресницы эти – словно кисти;

Трепет жилки на щеке под кожей… -

Дерзость свой устав забывшей птицы,

Как каприз – блаженному, быть может,

Хоть за откровение простится?..

А рукой витраж цветной – что боль мне? –

Не для воздаянья разбиваю,

И прошу поверить, что невольно

Я Судьбы ловушку воспеваю:

Близнецы сиамские в час горний,

Сращены гитара и гитана. –

Были скалы, был приморский город,

Каменные плиты у фонтана…

_____

Поручаю голубю приветы,

Но обратный адрес не оставлю:

Я тебя не обяжу к ответу,

Вновь тебя преследовать не стану…

Шпильбург

Как в немецком городе, –

Слушай, гость, без слов, –

Перезвон фарфоровых

Колоколов...

Полно фыркать, хмуриться!

Видишь, сам не свой,

Что на мирных улицах

И на мостовой

Тень от чьей-то царственной,

Незримой руки

Клетки чертит явственно –

Шахматной доски!

...Было время молодо,

Древности цвели;

Липы тёмным золотом

Плавились вдали…

О, глаза лазурные,

Голос – той, одной, -

Кудри белокурые,

Фартучек цветной!.. –

Беги, не запаздывай,

Душу не губи!

Люби сказки сказывать,

Слушать – не люби!

Слышишь речи звонкие,

Пьёшь, что польский мёд, -

И печалью тонкою

В кость клеймо войдёт!

Распустила длинные

Косы до земли

Mädchen – Магдалиною

В детстве нарекли, -

И чарует страшною

Прелестью зимы.

И встают за башнями –

Мельницы, холмы…

Посыльного-гномика

В ночь, в метель, что ль, жду? -

К пряничному домику

Сквозь чащу иду…

Студенту с филистером

Завтра на дуэль;

Часы стеклом брызнули –

Последняя трель, -

В волосах запутались

Пылью ледяной…

В шарф, то ль в шлейф всё куталась –

Белый, кружевной…

Смесь принцессы с мальчиком,

Ангел и шалун.

Кровь на тонких пальчиках –

От клавира ль, струн?..

В дым свирельный прячется,

Нет её сильней,

Всё одна, обманщица –

Фея Лорелей…

Тавлея

«Играешь в шахматы ты скверно», -

Летит в огонь тавлея вся.

Хоть и не паж ты, мальчик верный,

Но всё же королева – я.

Ты, робкий, в ночь и непогоду

Носил мне белые цветы, -

И вдруг уехал на два года…

Так чем мне поклянёшься ты?

Не стану мучить, синеглазый, -

Спою кансону в честь луны.

…О, забирай всю доску сразу:

Твои мне пешки не нужны!

* * *

Мирт и кипарис

Под горой сплелись,

И не разлучиться ветвям их, - надолго ль?..

Милый Арамис,

С миром удались:

Песню спеть хочу я – не тебе, но дороге.

Всё не тает клин

Журавлей вдали, -

Долго ль их сестре здесь томиться в неволе?

Звуки мандолин

За руку увели

Душу от земли, - чтоб ей не чувствовать боли…

Арамис поймёт:

Стало жаль – ему

Причинить, ужалив нечаянно, горе… И в путь дальний тот

Посох я возьму, -

Он кустом миндальным окажется вскоре.

* * *

Лесного ореха пустая скорлупка

В ладони лежит, - всё сначала!

Я в нежности вновь растворилась, - так глупо…

И завтра – как прежде бывало –

Твой ласковый взгляд одарит меня светом,

Польётся, как музыка, голос…

А сердце всё помнит, всё любит – навеки! –

Уж зная, что любит – лишь образ.

Знал только клавесин…

Для чувства сердце закрыв

(Быть может, мимо пройдёт?..),

Я подбираю мотив

Наощупь, не зная нот.

Мечта паутинкой ввысь

Летит, - мне её не поймать…

Голос, уйди, не стучись, -

Зачем мне его вспоминать?

Вновь стану учить латынь,

Вязать бесконечный шарф… -

Средь светлых моих святынь

Осталась его душа.

Портрет

Я вставлю Вас в рамку, на стену повешу

И занавеской прикрою длинной…

(…И буду смотреть на Вас – каждый вечер,

И буду грусть перекладывать в рифмы…)

Но есть вероятность – довольно большая -

Что долго о Вас тосковать я не стану.

Подумаешь – голос… иль прядь золотая…

Ведь всё-таки Вы – не герой из романа!

Улыбка прыгает хитрою белкой:

Нет, всё хорошо, – я пока не влюбилась!..

Ну кто мне докажет, что он – не подделка?!

…Вот, лето прошло – и имя забылось.

BELLEZZA ANGELICA

«Не смертный образ очи мне пленил:

Очей прекрасных мир невозмутимый.

В душе моей любовь твой лик незримый –

Духовную, как он, - воспламенил».

(Микеланджело Буонаротти)

I

В Ваших кудрях запутались звёзды, Ваши глаза – как горячий бархат, Голос Ваш для обожанья создан… Пью его с благоговейным страхом; Мелких глоточков бег торопливый Сердце моё превращает в птицу. - Я б улетела в порыве стыдливом, Но сил нет с тайной своей разлучиться. Я не посмею внезапным признаньем Вызов свой бросить душе Вашей чистой, Только – восторженно и с любованьем Лик вспоминаю Ваш иконописный… II Мне в руках не удержать Улетающую душу: То ли, вспыхнув, убежать, То ль его молчанье слушать? Можно дальше не шутить, - Мне давно уж не до смеха… Той лавине на пути Цепь, замок ли – не помеха. Неизбежный близок час; Погрузилась в созерцанье: Узкий лик и странных глаз Тёмных тёплое мерцанье… Новый камень на стене - Не пробьются мудрых речи. Поздно, - я уже во тьме. …Очи у него, как свечи. Снова, снова нежный плен, Снова сладкое томленье… Ночью – не вставать с колен! (Задержись, о наважденье!) III Пойманными птицами томились

Смелые слова:

«Вы мне прошлой ночью снова снились, -

Снилась ли я Вам?..»

Вы мне нравитесь, и нет спасенья,

Нет пути назад. –

Ах, зачем я в этот день осенний

Встретила Ваш взгляд?!

То – судьба, и по её приказу

Втайне мне страдать,

Для любой случайной, краткой фразы

Повода искать,

Грезить о сиянье тёпло-карем –

И бежать тотчас,

Как неумолимой Божьей кары,

Нежных Ваших глаз…

Против Вас мне не узнать уловок,

Сети не сплести,

И боюсь неосторожным словом

Рану нанести…

_____

На прохладных светло-жёлтых листьях

Строчки в листопад,

Словно неотправленные письма,

Снам вослед летят… IV Дар свыше, бремя иль вина, - Но всё же больше, чем влюблённость. И до конца обречена На вечную неразделённость… Что ж, прелестью своей сестёр Мне не затмить; иного рода - Взойду, как Жанна, на костёр И совершу великий подвиг… - Не изменит свои черты Ваш лик, не погрустнеют к ночи Неповторимой красоты Задумчивые Ваши очи. - (И нет ответа на вопрос, И капли на ресницах – гири… Ах, кроме нежности и слёз, Ничем не просияю в мире…)

V

Улиц вечерних струнам

Дарят янтарный ритм

Множественные луны –

Редкие фонари.

Тёмно-синие реки

Текут из-за хрупких ветвей… -

Тебе не узнать вовеки

О нежной грусти моей.

Детским моим молитвам

Отклика свыше нет…

Находка прерафаэлита –

Идея писать твой портрет.

Видимо, в испытанье

В форме слились одной –

Áнглийское звучанье,

Ангельский образ твой… VI

« - Chers amis, auriez-vous l’obligeance

de ne plus prononcer ce nom en ma présence,

s’il vous plaît?.. Merci d’avance. Moi.»

(Frédéric Beigbeder, «L’amour dure trois ans»)

Древнее имя – так пламенно-сладко,

Сотканное из старинной вязи…

Кем бы ты был в то время, - загадка:

Воином или князем?

Взгляд лишь чуть строже, - и кажется вечной,

Ширится мимолётная пропасть…

Трогательна и мила бесконечно

Глаз твоих робость.

Петь о тебе – всей природой птичьей

Рвётся душа порою...

Что для других – во языцех притча,

Лишь тебе не открою.

И – поклянусь стихами своими,

Полувсерьёз, полуиграя, -

В миг мой последний – лучистое имя

Прошепчу, умирая.

VII

«Скрыть не дано никакою эпохой,

Ни на одной из планет, -

Тщетно! – прорвётся во взглядах, во вздохах

То, чему имени нет.

Пламенем тихим прожжёт насквозь сердце,

Сколько его ни таи...» -

Как же не выдать – ни словом, ни жестом –

Радость и ужас свои?

Спастись напрасно спешу от кинжала,

Что настигает, звеня, -

Неотвратимое сладкое жало

Всё же коснулось меня…

VIII

Я зеркальцем серебряным играла

И уносилась в лёгкий мир мечты:

Оно непостижимо отражало

Далёкие и милые черты.

«Кто он – послушный паж из верной свиты,

Премудрый маг или коварный враг?» -

Пока мне будущее не открыто,

Но предречён к неведомому шаг.

Корите мои очи неустанно, -

Что приковало их, не объяснить,

Но видимое делает желанным

К душе незримой – тоньше света нить.

Сиянье тихое сквозь прелесть лика,

Зовёшься ты – Bellezza Angelica…

СОЛНЕЧНЫЙ ОСКОЛОК

Немая серенада

В сад густой, зелёный

Балкон тот выходит, -

Не хватает только сцен из романсеро.

Трепет длинных листьев

Да антифоны птичьи… -

Медленно, в тон им, вступает гитара.

В сладостную тайну

Уверенно, твёрдо

Струны за собою мечтаньем уводят. –

Без сопротивленья

В лучах плыву следом,

От всего отрешась, что не есть гитара…

Вечернего солнца

Тишина и мягкость;

Вздрагивают, точно дышат, листья пальмы…

Крысолов, лаская

Послушные струны,

Сердце окутал золотым покрывалом.

Страшней всех оружий –

Верно и умело

В сердце вонзаешь мелодии жало…

Оставь, сними сети

Гитарных заклятий,

Инквизитор души моей обольщённой!

И бегут по струнам,

И жгут моё сердце

Мириады крошечных раскалённых молний, -

Ещё, ещё каплю –

Умру от блаженства,

От любви душа расстанется с телом…

Сердце тянут, тянут

Мучительно-нежным

Томлением – струн лукавые волны;

В унисон гитаре

Колокол льётся… -

Боже, пожалей мою цыганскую душу!

Летняя гроза

Спуск крутой, и по ступеням

Светлый вихрится поток.

Не терпение, - кипенье:

За стрелой летит стрелок.

Воздух нежностью наполнен,

Дождь горячей льёт стеной,

И в разливе белых молний –

Лик крылатый надо мной…

Опаляющей уздою,

Всадник, тронул ты коня, -

Дерево перед грозою

Плавится в закате дня.

Ласточки

На небе ласточки видны;

Вот редкий танец парный. –

С диковинной голубизны,

Как плоский камень, падать…

Ещё немного, - точный миг,

Пока пробьётся голос, -

И хлынет чистый птичий крик

Разверзшегося горла.

В светлую глубину небес

Надежды крепкой знаком

Ласточка брошена, как крест

(А может быть, и якорь)…

Красота тончайшего мира

«Leurs âmes se tiennent par la main».

(Frédéric Beigbeder, «Vacances dans le coma»)

В солнечном растворяюсь тепле, -

Из меня не выйдет философ.

В стрекозином ищу крыле

Смысл Вселенной, ответ без вопросов.

Я опять на пределе бурь.

В глубине – так больно и мило…

Это лето, этот июль, -

Красота тончайшего мира…

Что же сбудется в том пути? –

Будем тихо за руку, как дети,

По тропинке узкой брести

Средь созвездий или соцветий…

Дымка стелется от венка, -

И творение, и даренье…

И прозрений тонкая ткань, -

Это прелесть иль откровенье?

ФУРГОНЧИК

Игра

«Будем благодарны не только за лица, но и маски.

Не только за честный привет, но и за лицемерие,

ибо оно прячет тяжёлые истины».

(У. М. Теккерей, «Виргинцы»)

По уши в краске. – Декораций

Всех не вмещает уж стена.

Ещё не виданных реакций

Лаборатория полна!

Развоплощение: видений

Разрозненных понёсся рой.

Перерождение, - рожденье

Иной материи, двойной.

Переключательство паролей,

Где каждый – автор и герой… -

Уже не я играю роли,

Уже меня играет – роль!

(Ах, убежать бы, - где указки

Не пригвоздят к асфальту сон!..)

Мне – создавать оазис сказки

Вне власти мест или времён.

К застывшим пальцам – лёд пошёл бы,

Боль утолит всех лучше – соль.

Огонь я заменила шёлком,

И клюквенный струится сок.

И взмах косы, - и взлом заколки…

«Смотрите, радуга горит!» -

Калейдоскоп на сто осколков

Рассёкся, как метеорит.

Зал на хлопки не слишком ласков. –

Ах, главное – лишь скрыть глаза!

Я в новом платье, в новой маске,

И вам поймать меня нельзя.

Эндшпиль под куполом Испанская песнь водопад твой вниз Зовёт, - и свет в зале погас… Канатоходец парит, повис Над бездной огромных глаз. Зверёныш-крошка - зрачок остёр… На муки себя готовь: Ножом по сердцу, сама - в костёр, - Цыганской души любовь! Она не думает и не ждёт, В ней бури спят до поры: На корпию - платье при всех сорвёт. Без слов ворвётся - и жизнь возьмёт, Ведь собственный краткий ей век не в счёт… Тут жерло, - ты ждал игры. Она в ночь смерти - как Божий день, Подёнкой летит на свет. Не полусвет, о, не полутень, - Полутонов здесь нет! В кильватер туч и сплошных потерь, В дар - эндшпиль, парад планет.

На счастье – чёрно-жёлтый шнурок На смуглой шее её… Но бархат осыплется тот – не в срок… - Кому Карменсита поёт?

Кто из других тебе лучший родник В ладонях своих принесёт?.. Вот тебе нежность её, возьми: Красная глина – и лёд!

* * *

Прозрачен ты, как капелька дождя, -

Мой горный снег, останешься ты белым…

Как Себастьяна, не пронзят тебя

Ресниц моих отточенные стрелы.

Игрушкой ёлочной спускается серьга

До самого плеча от мочки уха.

Кармен я, милый, и плясать меня

Учила плутоватая старуха.

Я вьюсь вокруг тебя, но взгляд твой строг, -

Манящий призрак ускользнёт, как от кинжала…

Ладонь твоя – распутье всех дорог…

Так хочешь, чтоб тебе я погадала? –

Я вижу – поле; в нём горит, как день,

Костёр бездомный под открытым небом,

И искоркой душа летит к звезде…

О, если б свет тот дальний тьмою не был!

Китайские мотивы

Отброшен с нотами листок;

Двери – запрет скрипеть…

Кружась, всю ночь в лесу густом

Тебе я буду петь.

В горошек шёлковый халат

Взовьётся в танце том;

Запястья змейками взлетят,

Рассыпавшись стеклом.

И райским яблочком щека

Покажется тебе…

Твёрдость стрелы, хрупкость цветка

В одной слились судьбе.

Сегодня срок пришёл, мой друг,

Открыть тебе секрет:

Как я, ты будешь горный дух, -

Тебе во мне сгореть.

Мерцает семицветный свет

Над пропастью в горах…

Ступай скорее, ведь мой след

Растает на глазах.

Пусть ждут напрасно во дворце,

Хоть император звал, -

Волшебной музыкой в ларце

Ручей звучит средь скал.

Побудем здесь, мой горностай…

Сядь рядом, не спеши.

Вздох затаи и отражай

В очах своей души,

Как колокольчики звенят,

Вплетённые в косу…

На шёлке тушью ты меня,

Художник, нарисуй!

Нежность в фарфоровом лице,

А очи – листья ив…

Портрет оставишь на крыльце,

Перо, как знак, забыв.

В росинке катится звезда,

Зацеплена крылом, -

Не исцелишься никогда,

Не спутаешь со сном…

О, перед кем я в пеньи звёзд

Свой расточала дар?!

Бежит стремглав, хоть рухнул мост, -

Он испугался чар!

Напрасно, видно, я пою

И кос струится лак…

Лукавство скроет грусть мою, -

И хорошо, что так…

Из заточения

Алхимия!.. – Со дна притихших жил…

Не виновата, что – хрусталь, не камень;

Творец в сосуд прозрачный мой вложил

Подземных тиглей исступлённый пламень.

Я честно, в стужу, срок свой прослужу.

Бросаюсь – на рога, навстречу туру.

Под лёд – до ледохода – ухожу.

На амбразуру б так – в аспирантуру…

Что легче, - с бледных смахивать ланит

Берёзового сока ток неровный,

Всё методичней о чужой гранит

Ломая душу в скрежете зубовном!..

Зимний цветок

Я ухожу от тебя – на запад…

И – ни поклона.

Невыносимо – тебя зреть глазами

Многих поклонниц.

Стрелы луны! – Преходящи узы,

Светоч холодный!

(Видно, случилось понятие Музы -

Мужского рода…)

Я – королева, мой льдистый венчик

В огне не тает.

Растёт звезда в груди эдельвейсом,

Всё расширяясь…

Светлые иглы, пронзившие сердце,

Теперь я – с вами.

Станет горный цветок страстотерпцем. –

Серебристое пламя. ПО РАСКАЛЁННЫМ УГЛЯМ

* * *

Звёзд хрусталинки рассыпаны по тверди.

На земле – мы, сдвоенная тень…

В памяти слова:

«любовь сильнее смерти…» -

Мне? Тебе? Обоим? – в один день?!

Колокольные душ перезвоны

В запредельной тайне сберегу:

Розы расцветали на ладонях

Поцелуями любимых губ.

Ах, за что меня коснулось это?

Вечная… И нет её сильней.

Шёпотом душа даёт обеты:

Ты, любимый. До скончанья дней.

Жалом поражённая незримым,

Слёзы нежности едва тая:

Добровольно и неисцелимо, -

Пленник мой… Я пленница твоя.

МЕНУЭТ ПРИ СВЕЧАХ

Судьба

За стеной, в пещерном храме,

Манит отзвук пенья,

Чёрно-белого хорала

Клавиши-ступени.

Опаляет свечка руку,

Путь стеклом покрыт… –

Я иду к тебе - по звуку

Через лабиринт.

Я – таюсь, свеча всё тает,

Как дыханьем, грея.

Средь туннелей заплутаюсь

В катакомбах древних.

Лишь в последний миг замечу,

Что раскрыт секрет, -

Выйдет медленно навстречу

Чудный силуэт…

Я укрыться не успею, -

Оставляют силы.

От смущенья не посмею

Встретить взгляд твой милый…

Но спасает утешенья

Нежное крыло –

Чуткое прикосновенье,

Рук твоих тепло.

В плен сдалась, мой ангел-странник,

И к ногам сложила

Ключ от сердца долгожданный,

Где мечты хранила. –

И уносит, накрывая,

Светлых слёз поток;

И сквозь сердце прорастает

Огненный цветок…

* * *

Тонкой плёнки трепет над костром

Длится над рекой,

Как клинок, искрятся серебром

Струны под рукой.

Вместе быть – средь звёзд, как на земли,

До скончанья дней…

Нежность и доверчивость нашли

Путь к душе моей.

Голос твой узнаю средь других,

Поплыву на звук.

Головой склонюсь к твоей груди,

Не расцепишь рук…

Облако вечернее таит

Светлых линий сноп…

Лилии небесных глаз твоих

Кажутся мне сном.

Опущусь ли на морское дно,

Вознесусь ли вверх, -

Брат мой, друг мой, милый – всё равно

Я с тобой навек.

Канатоходец

Богу будет ли угоден

Путь мой в мире за тобой? –

Маленький канатоходец

Я над бездною ночной.

Гвозди крест насквозь пронижут, -

На обратной стороне

Отраженья, тени ближе,

Я с тобой, спиной к спине…

Без тебя на свете этом

Не оставить мне следа,

Кроме малой горсти пепла –

В круге твоего костра.

* * *

Любовь моя, небесный свет очей,

У изголовья в ночь свечой мерцает, -

Цветок, что средь гранита расцветает,

Пленительный ранимостью своей.

Ввысь, замирая, тянутся деревья,

Услышав звук хрустальной чистоты…

Оградою заблудшему творенью

Незримые протянуты персты:

Путей окольных ищет мир, - Бог свыше,

Водя рукою детской, судьбы пишет. С АРФОЙ ПРЕД ЭШАФОТОМ

Стихия

Ливень под Господним оком, -

Берег, мост, саму плотину

Захлестнувшая лавина –

Всё смывающим потоком….

Шелест быстрый мчится в листьях.

За грозою – воздух чистый.

Книги судеб воля гнева

Правит в пламени страницы.

Брызжут искорки зарницы –

Шлейф казнённой королевы…

Шелест быстрый мчится в листьях.

За грозою – воздух чистый.

Пред скалой – обломок шпаги.

И душа – вассал крылатый –

Жанной в бой готовит латы;

Вьётся лилия на стяге!

Шелест быстрый мчится в листьях.

За грозою – воздух чистый.

Горло ветер режет колкий,

Вихри зорю вострубили…

Бьются в праведном горниле

Хрусткой солью звёзд осколки.

Шелест быстрый мчится в листьях.

За грозою – воздух чистый.

Как хорал, звенят дождинки.

Там, вчера – в хрустальной боли

Не вздохнуть… и – ни слезинки,

Дым клубился по-над полем…

Шелест быстрый мчится в листьях.

За грозою – воздух чистый.

Восстаёт – в пыли горячей,

С сердцем вечно рассечённым

Средь пустыни страж неспящий –

Молниею опалённый

Ствол – как древняя колонна,

Перед небом предстоящий…

Полуночная свеча ли

На холме в песках взошла? –

Только дерево в печали,

Раскалённой добела… * * *

Летящей птицею вослед

Тебе – душа пластала руки. -

И претворялась радость в крест;

И воскурялись до небес

Молитв и песней скорбных звуки.

Стать чёрным лебедем в пруду,

Что дремлет в камышинках колких,

Когда устанет ветер дуть

И над деревьями в саду

Ночь теплит звёздные осколки…

Душа, уже без слёз и слов,

До бездн срывалась и взывала,

И разбивала грань оков,

Взыскуя подвигов и снов, -

До края чаша – всё же мало.

Лететь, предупредив призыв,

Бороться – до изнеможенья…

Огнём все смыслы осолив,

Дух – всесожжения порыв

Смирил – дотла опустошеньем.

И настигает благодать

Вне плена тленных притязаний:

Блаженней, нежели принять –

Сгорев до пепла, вновь восстать,

Отдать – без торга воздаяний…

Где чаяний земных уж нет,

Даруется, во искупленье,

Возможность Божиих побед –

Неизреченный, нежный свет,

Маяк из пристани спасенья…

Немножко боли, страха – тут,

Там - радость лишь, хоть не героям…

Такие чувства застают,

Что, если даже завтра Суд, -

Лица на нём я не закрою!

Восстанет буря на звезду,

Вихрь прогремит рычаньем львиным…

А лебедёнок на пруду,

В попытке отвести беду,

Прольётся песнью лебединой. Последняя битва

Ветер крыши железные

рвёт со стен,

Петли панциря

друг друга никак не найдут…

Вот и конь подставляет холку;

колчан полон стрел…

Ну, а стрелы – истлеют ли

в следующем году?..

Что над этим думать… Найдётся, кто подберёт,

Кто их пустит к цели…

Из зарослей камень скользнул,

На кольчуге тонкой

узоры ажурные гнёт… -

Да что взять с пастуха! –

варвар! – только рукой махну.

Всё равно уж – в битву, не к танцам, -

много ещё вдали

Безобразных вмятин;

сапоги изведают грязь…

Меч, как прежде, взовьётся в салюте

у края земли:

Пусть в последней битве Господь поборает за нас. Казацкий кант

Сердце – перекрёсток под небом в ночи…

Я на штурме перед высокой стеной.

Я – пылинка в ветре, слезинка в печи,

Искорка свечи под прибрежной волной.

Столько лет скитаний по чуждым краям… -

На губах то кровь, то дорожная пыль.

Горький хлеб замешан был краем копья,

Росой напоили полынь да ковыль.

Алое клеймо, серый каторжный ряд, -

Всё, что нам осталось от весёлых полков…

Я не взвою, - пусть, что хотят, говорят, -

Белое пятно в стае серых волков.

Места нет живого от вскрывшихся ран,

Голову кружит запах спелой травы…

Новая причуда твоя, атаман,

Мне, похоже, стоила головы.

Сквозь терновник, - в клочья душа от погонь…

Так и не успели достать мы луну. –

(Хоть чуть-чуть ещё потерпи меня, конь, -

Передам указ, и на холм соскользну…)

Прадед

«Etiam si omnes – ego non»

(Девиз рода Odrowąž-Wysocky герба Стремя)

I

«Белый туман над землёю плывёт,

Степи конца-краю нет…

Скоро ли нежная зорька взойдёт,

Вскинет ресницы рассвет?..

Больше, гнедой, нам, похоже, не спеть. -

Лишь бы ты зла не держал…

Может, чуть жёсткой была моя плеть, -

Чтоб ты в осаде не спал!

Помню, как, чувства лишившись в седле,

Вис на поводьях весь день…

Может, я шпоры вонзил чуть сильней, -

Сам в первый раз их надел!

Нам до привала – томительный путь,

Сердце зайдётся в груди…

Верный гнедой, терпеливее будь –

Зарево ждёт впереди.

Там, на холме, красный плещется флаг;

Есть виноградник за ним…

Там свой престол утвердил наглый враг,

Царский же мы утвердим!

У самого в горле сушь, точно гвоздь…

Капли воды не проси.

Там - я отдам тебе первую гроздь,

Только на холм донеси!»

Ягодки алые, - близится холм,

Обетованный тот край…

«Помнишь, гнедой, наш растерзанный дом,

В топку порубанный гай?!

Помнишь ли Машеньку в белом, как снег,

С вишенками на ушах?..

Как бы дознаться, услышать хоть мне,

Что с ней, и в чьих-то руках?»

А из засады – то ль смех, то ли плач.

Встал на дыбы чуткий конь…

Миг – и повержен бандитский кумач,

Тянется к грозди ладонь.

Гроздь та последней была б на земле…

Ждал с замираньем отряд…

То ли бретёра стрелок пожалел –

Принял гнедой весь заряд.

«Федька, а белый-то ваш – молодец:

Крестик в петлице, гляди!..

Будет и пуля, - дорвёшься, гордец!

Прежде в плену посиди».

II

Смоль висков – с налётом мела…

Бледен, под глазами тень,

Но стоит с улыбкой смелой,

Будто Пасхи первый день.

Герб-околыш на фуражке, -

Те – с советскою звездой.

Под снежком в одной рубашке –

Гордый, стройный, молодой,

Шляхты краковской обломок

Средь окурков и плевков,

Ветви рыцарской потомок, -

Кровный враг большевиков.

Жизнь твоя, земное счастье –

Не длинней того штыка…

Милости не жди от власти,

Коль служил у Колчака! –

Месяц мрачный, месяц длинный

Всё он в камере сырой,

А Мария с крошкой сыном –

Уж с фамилией чужой…

Сшил безграмотное дело

Скороспелый трибунал, -

Он своей рукой им белой

Ни значка не подписал.

Пусть сполна своё получит, -

Предвкушает кровь зверьё, -

Царской армии поручик,

Жизнь отдавший за неё.

Чёрный ворон вьётся, вьётся, -

Неспроста гудит мотор.

Белый воин с чёрным бьётся…

Уж гайтан срывает вор.

Совершилось. – В день расстрела

На подтаявшем снегу

Силуэт: на алом – белый,

С чёрной розочкой у губ…

Сон

У обочины молча став,

Царскую подожду Семью, -

В соучастьи лишаясь прав,

Журавлиный клин отпою…

Против ветра утлый возок ползёт,

На колёса мокрый снежок налип:

В ссылку Царскую он Семью везёт -

Прочь уносит Клад наш на край земли!

Уж Их близок последний миг…

На конях – усталый отряд;

Может, прадед мой был средь них,

Провожавших на крест Царя… -

Я – за Ними вслед – загоню коня!..

Снег ли, дождь устам не даёт дышать…

Пусть в полёте пуля спалит меня, -

Ласточкою в лазурь кинется душа:

Там – прощения тихий свет,

Там – надежды мелькает стяг… -

Мне до всадника эполет –

Даже с цыпочек не достать.

Грязь губами молча стерев с колёс,

Омываю плачем Их до зари, -

Разлетится сердце фонтаном слёз:

Вихрем сбит хрустальный гардемарин…

Там – от терний стихает боль;

Там – пурге не задуть огня…

Крест, о Царь, разделю с тобой! -

В Царстве том помяни меня!

* * *

Не пожар, война и бури

Предвещают лихолетье, -

Бич последнего столетья –

Недолюбленные дети.

Не на ровном месте страхи
В ночь выходят из тумана -
Недорубленность на плахе,
Кровью хлещущая рана…

Со своих, грядущих деток
Взыщут (а найдут едва ли!) –
Что мы в них не долюбили, -
Что мы в них недовложили,
У чужих просить послали…

* * *

Может, в том зелёном дне,
В песни мира и покоя
Над кристальною рекою –
Строчка есть и обо мне?..

Может быть, в полдневный час,
Как призыв застигнет горний, -
Удалюсь пустыней знойной,
Не встревожив сонных вас…

Может, ангел в том пути
Слово с рифмой мне подскажет, -
И крылом на душу ляжет

Неоконченный мотив...

Без меня начался суд. –

Опоздать немного можно ль?

Что тут – гордость, что там – должность, -

По-иному разберут...

Может, преданным сердцам -

Золотых цветов немало

И серебряных хоралов

Я оставлю в двух ларцах, -

Звуки песен и молитв,

Может быть, в виденьи сонном

Мой подхватит лебедёнок -

И тональность сохранит...

Труден путь в сиянье дня,

В царство мира и покоя, -

За кристальною рекою

Помолитесь за меня... Русалочка Иди, русалочка, твёрже будь,

Пусть в небе звёзд и нет...

Стели, русалочка, Млечный путь -

Принцу с принцессой вслед.

Ступай, русалочка, - каждый шаг

Скручивай сердце в жгут.

Танцуй, русалочка, на ножах, -

Маки к утру взойдут.

Рисуй улыбку, спеши - ведь ждать

Не станет зелёный плёс...

Учись, русалочка, исчезать

Молча, без лишних слёз. * * * Свершилось… Конь вперёд понёс седло пустое, - Он всадника найдёт; немало новых сеч. Средь этих трав глоток укрытья и покоя… И мой ли то был шлем, и мой ли то был меч?.. Ты мне явил, Господь, весь мир в одно мгновенье - Тех, кто над ранами глумился с высоты; Тех, кто на подвиг звал – и отошёл с презреньем… А рядом на кресте со мной один был Ты. И вспыхнет, и зайдёт заря вновь над холмами, И прозвучит в ночи жемчужная звезда, - Жизнь такова – в полях пусть стелются туманы, И ветер пыль дорог развеет без следа… ДЫХАНИЕ ГОР Котёнок Пантерой чёрной мечется душа, Ком боли ударяется о землю: - Ты… отошлёшь?! – мне нечем уж дышать. Но голосу иного я не внемлю, Из рук чужих приманку не приемлю… Я за порогом келии твоей - Твой часовой, часами ждать готовый, Пока навстречу выйдет из дверей Тот, кто увечья исцелял мне словом, - Как утешенья, ожидая зова. Я грозный зверь, испытанный в бою, - И зуб, и коготь мой всегда отточен. В последний час – на лоб ладонь твою… - Вот всё, чего душа мюрида хочет. Ты приручил – я твой и днём, и ночью. У ног твоих я лягу и в раю. Хоть меховой игрушкой стать бы рад Зверёк, тобой от гибели спасённый… - Я лишь клинок, твой преданный солдат, Лишённый шлема и защитных лат; Паж-отрок, и дитя, и меньший брат, Твоей руки смиренный аманат, - В ущелье провалившийся котёнок. - Не отсылай!!! – я - чёрной боли ком, Внезапным смерчем падающий в ноги; Глаз две свечи, горящих за плечом… Телохранитель с огненным мечом - И раненый котёнок на дороге.

Махидевран Махидевран, мать наследника Мустафы – горько имя твоё, как горек твой путь! Миндальное деревце ты, трепещущее под ветром. Махидевран, серна горных вершин, в садах имя моё не забудь! Я видел тебя у вод, не услышал ответа… Махидевран, наклони кувшин… Сон ли? - где-то в белых пещерах свеча горит, Каплет воск золотой, шелестят страницы… Махидевран – маленький искренний мой мюрид, Телом прикрыв от стрел, убьёт слезинкой с ресницы. Махидевран, душа с тобой говорит… Азраил за твоим плечом, Джабраил над твоей головой! Махидевран… - Пощади, не коснись, пока я живой! - Махидевран…- И вновь мне твой образ снится. Махидевран! Отойди, иль ударю мечом! - Ты ж, как огонь, лобзаньем прожжёшь десницу… Караван … И караван встаёт меж миражами, Кость сладкой мукой разломив в груди, - И свитки скрыты тайные шатрами, И трудная дорога впереди… Мактуб. - Предречено, гласит

Писанье, - Так в путь, как в бой, ступай на дальний звук. Томит и манит чудное страданье, - Так дервиша затягивает круг... И бури в тихом озере кипенье, И пламенем заходится зола, - Катарсисом нисходит исступленье, Иначе бы - погибель снизошла... И золотых иголочек по жилам Уже никто не в силах отменить, И не порвётся - было б и по силам - Связующая с Запределом нить...

История одного паруса

В бурном море – волн восстанье;

Туч раскинуты шатры…

А над мачтою – плесканье

Безрассудных белых крыл.

Лебедёнок-новобранец, И тебе готов предел! – Это твой последний танец: Слишком тонок, слишком бел…

Ах, фарфор! – Вся жизнь – в опоре: Мачта – образом креста… А в грозу, в открытом море Выжить – шанс один из ста.

Исключений здесь не будет, На войне – не как в игре: Не таких – сминают бури! Ты-то что за принц морей?..

Под обстрелом молний грозных Прожжены крыла насквозь; Уж просвечивает – поздно! – В эполетах россыпь звёзд…

Средь сполохов раскалённых Заскрипел до звона шёлк, - С колокола ты снесённый Колокольный язычок!..

Судно – в щепки; в пенных гривах Среди рифов остов встал. - Словно облачка обрывок, Пёрышко из вышних стай, -

Только крохотная точка Бьётся с ветром наравне: Белый парус – лоскуточком На обугленной струне… Восточная притча В далёком гористом краю Жил знатный князь, прославленный в бою. Кольчугу не снимал он с плеч, Знавал и лук, и острый меч. Он с пленным кроток был, как брат, А враг с ним встрече был не рад… Привольно возле тихих вод Паслись стада, не бедствовал народ.

У князя отрок был один, - Скорее не слуга, а сын, И, выходя из врат с мечом, Князь на него лишь оставлял весь дом. Однажды мальчик утром встал И князю сон свой рассказал: "Мой господин, я видел сон, Как мы с тобой стояли пред дворцом. Колонн изящных стройный ряд, Ступени мраморные спят... Как сноп из

радужных огней, Украшен был он множеством камней: Глаза закрою - вижу вновь Сапфир как море и рубин как кровь. Там с белым жемчугом блистал Слезой небес наполненный кристалл. "Кто ж дивный зодчий?" - я спросил. Сказали мне, что Царь сам возводил; И плавно подданных река Текла к дверям бессчетные века. Не всяк ступивший на крыльцо Сподобится узреть Царя лицо, И самозванца тщетен дар: Лишь тот войдёт, кого признает Царь… И отрок в белом стихаре Коня седлал там во дворе, - Я подошёл, спросил: кому? - Тот улыбнулся: князю твоему! На нём из шёлка стремена, Где с серебром червлёным письмена; Седло с кистями, злат султан, - Мой господин, на царский пир ты зван! Царь наградит тебя венцом, Но, господин, ты не вернёшься в дом! Как с горных тропок не свернуть? - Ай, господин, и крут, и узок путь! Там камни, да песок, да мел, Отравленных рой в спину стрел… В бою я б стал твоим щитом, - Боюсь, что на щите придёшь ты в дом! Последний день тебе служу, С тобой же сам пусть голову сложу. Склонюсь до стремени главой: Хоть в этот путь возьми меня с собой!" _____ Пришли глухие времена: Пучком редиски жизнь оценена. - Ой, хуже будут времена, - Прочтёт ли кто червлёны письмена?..

Дади-Юрт 1 Сквозь дымку строгую печали Страницы прошлого встают. - Здесь голоса живых звучали, В селе зелёном Дади-Юрт. Рождались дети, жизнь кипела, Паслись стада, сады цвели… Здесь танцевали, песни пели, Трудились, землю берегли. В папахах облачных толпою Вставали силуэты гор. Дышал улыбкой золотою Небес распахнутый простор, В нём таял месяца осколок… А пушки стерегли сады. Направил жерла их Ермолов На саклей мирные ряды.

2 Аул в волненьи был, но, впрочем, К сраженью жаркому готов - Казак знакомый прошлой ночью Предупредил сам кунаков. От взорванного минарета Бежал с оружием народ… И новой радости рассвета Аул уже не встретил тот. В последний бой, с одним кинжалом, Бросались горцы на штыки. И гибли там – забыта жалость - Их жёны, дети, старики… - Но голос сладостный Айбики Под медной чары твёрдый звон Прорвался ввысь сквозь шум и крики И раненых невольный стон: Дочь основателя аула Отважной девою слыла, Дух воинов поднять дерзнула И за собой подруг вела. Они, как гурии младые, И раненым продлили жизнь, И пели песни боевые, Отрезав косы на пыжи, - Умолкла Заза, спит Жансика - Все в райском встретятся саду! - Осталась без подруг Айбика, Последняя в своём роду. Был для неё жестоким день тот: Погибла вся её семья. Не отзовутся, не ответят Родня, соседи и друзья…

Джигит, её любивший, первым В горячей битве также пал, - И слёз над юношею верным Никто от ней не услыхал. Но, как не стало Амирхана, Как будто солнца свет погас: Весь мир – дымящаяся рана, И как приблизить смерти час?..

3 Спалённым остовом чернея, Двор оставался, пуст и гол, - Туда-то, в поисках трофея, Солдат к развалинам забрёл. Вдруг обернулся он – как птица Из разорённого гнезда, Смотрела из руин девица Прекрасней, чем в ночи звезда. Он к ней шагнул: «Попалась пташка! Ну-ну, вот диво… что ж, я рад. Небось под шёлковой рубашкой Всамделишный найдётся клад!» Её, зверьком загнавши в угол, Уже, казалось, задержал - Но с ног был сбит он и напуган: Направлен в грудь его кинжал! «Ещё кусаешься, волчонок?! - Солдат, оторопев, сказал. - Я много повидал девчонок, А эта – дикая коза!» «Я лучше с башни наземь кинусь Иль скроюсь в пламени костра! Там ждут уж близкие, кто сгинул - Четыре брата и сестра. Отца уж нет, и дом сожжён наш; Мать кровью истекла от ран; Штыком и пулями сражённый, С земли не встанет Амирхан. Рука мужская крепче женской; Кто за меня свершил бы месть?.. - Но ты не знаешь душ чеченских: В них слово «смерть» - тень слова «честь». Здесь род врага под корень губят, - Да будет каждый чист и смел, А лживой фразы «бьёт – так любит» Никто б и детям не пропел. Народ наш восстаёт за волю, - И будь он весь в бою убит, Я не привыкну к рабской доле, Не соглашусь на плен и стыд! Ты не поймёшь: ты не чеченец. Вернись к себе, в свои края. Меж нами кровь, злой чужеземец, Тебе живой не сдамся я!» Солдат был изумлён, но вскоре В борьбу с ней бросился опять… Страх переплавившее горе Ей помогало устоять: Взмах лезвия – отсечь, как скверну, Кос цепи в грубом кулаке, - Стрелы быстрее, легче серны Айбика кинулась к реке. Не мост Сират ли?! – там стояли, - Измерить чем те скорбь и гнев? - С конвоем переправы ждали Десятка три пленённых дев… Рукою тонкою взмахнула, Лишь миг промедлив на мосту, - И стаей пленницы рванулись На зов, звенящий в высоту… Рука мужская крепче женской, - Создатель так предначертал; Но свадебный костюм чеченский Включает девичий кинжал… Мелькали над потоком платья; Живой не взяли ни одну, - Солдат топя в своих объятьях, Те с ними камнем шли ко дну. Кипела речка бурной лавой, Мундирами запружена… О Дади-Юрт, - цвет горькой славы, - Ты горской гордости цена! 4 Плит белый камень осеняет Соцветий нежность полевых; Свет лунный Терек озаряет, В тиши колеблется ковыль… И с полумесяцами пики, Что к небу тянут остриё, Стоят, как свечи по Айбике И сёстрам молодым её. О путник, в память дней кровавых Здесь шаг на миг останови: То Дади-Юрт, - песнь горской славы, Смертельной чести и любви!

Хайбах Кружит узкая тропинка. Стрекоза плечо зацепит, Капля вздрогнет на травинке… - Дождь, стекающий на пепел. Серым саваном витает Под обугленной стеною Преступленье, что скрывают На земле пророка Ноя. Сухожилия и кости Рассекает поневоле Страшный лик Голгофы горской - Невместимой в сердце боли. Среди стен сожжённых этих Словно ждёт душа и ищет: Жёны, старики и дети - Облачко над пепелищем… Кто бы мог видений лица Словом оживить заветным? Сколько им ещё томиться - Бездыханным, безответным?.. Кто по

имени их снова Воззовёт и сосчитает? - У престола золотого Ангел списки душ читает… Кости, пуговицы, гребень, Лоскутки одежды бедной… Там, где гор коснулось небо - Ад свой пир вершил победно. А друзья их и родные Здесь останки тел находят… Их сердца горят поныне, Болью вечною исходят. Им указ с улыбкой лживой Ты приложишь солью к ране? - - А свидетели-то… живы? - - Бог всё видел, Гвишиани. С ними там Он находился, Вопли их и стоны слышал, Пока жертвы дым курился Над пылающею крышей. Знает, как живых, Он мёртвых, Их страданья не забыты: Вот младенец, распростёртый С юной матерью Сацитой, Грудь искал в пыли дорожной, - Мать ушла за жизни грани… - В Судный день, во свете Божьем, Что им скажешь, Гвишиани? Ты гостям, под кров входящим, В спину нож вонзил бесчестно. Не очаг, теплом светящий - Ждал их жар подземной бездны! Помнишь заживо сожжённых - Без состава преступлений - Близнецов новорождённых, Стариков, их жён столетних?.. Чтобы погасить то пламя - Сколько ж слёз должно пролиться?! В Судный день – не за горами ль От их глаз мечтаешь скрыться? Отговорок рой нелепых Беззакония не скроет; Дождь, стекающий на пепел, Крови с рук твоих не смоет. Встанет теней вереница Возле стен спалённых кругом, - Это их глаза и лица, Их с плеча не скинешь руку… В Судный день, Творца веленьем, Облекутся кости кожей, - То забытое селенье Воскреси, Великий Боже! - Вновь обрящут души тело, Скорбь свою оставив долу, И пойдут в одеждах белых К лучезарному престолу. Даст за муки утешенье Вечный, Верный их свидетель… - Над землёй благословенья Небо радуга осветит.

Новогодний штурм Грозного Птицей бьётся вьюга за окном, - Птенчикам растерзанным в метели Петь, - хоть подступает в горле ком, - Только бы снаряды им не пели… Мглистой спешной стёжкой вьётся путь; Слёзы родником мои да будут, - Только их на землю не вернуть, Только имя их и взгляд забудут. Кто-то деньги наживал и чин, Жизнь чужую списывая с рельсов, - А себя отдал бы хоть один В пасть небытия, в утеху бесам?! Капельки единственной крови На весах окажется довольно, Если смысл Всевышнего любви Попран вековой неправдой дольней. Тщетно с криком пробуя взлететь, - Алый след разбрызгивают стрелы! - Путь простоволосая метель Стелет перьями, как платом белым… Ручной волк Я образ свой терял, живя в неволе, - По глупости в капкан попал когда-то. Забыл давно, как слёзы лить от боли, Ну разве что… когда лишился брата… Глаз пламя жёлтое, клыки – острей кинжала. Я через годы помню вкус обиды И в схватке перегрыз бы смерти жало. - Страшней нет мстителя, верней – мюрида. А в эту ночь – как перед казнью пленный, Зову на помощь за вратами рая. Я гибну, я тону! Сдаюсь смиренно: Луна приходит, душу раздирая! Серп-полумесяц тоненько, как волос, Впился… - врагам не подарю я стона. …Ворота скрипнули: шаги Его и голос. Он движется, как жаркая колонна. В Его норе, - я от тепла шалею, Бальзам потёк на раненое сердце, - И эллину есть место, и еврею,

Поляку, и цыгану, и чеченцу… Недавно хлеб пекли… - о, дивный запах; С малиной кто-то пироги затеял… … Хозяин сам чуть держится на лапах, Вой слушает мой горький, гладит шею… Рука на лоб легла – боль отпустила… Язык шершавый трогает запястье: Неужто жив я? Вновь вернулись силы… - Похоже, это называют счастьем! Вот рай, - сквозь сон, под отзвуки молитвы, У ног свернувшись, всхлипывать чуть слышно… О Боже… я ли?! – брал из рук малину!!! А думали все – что, как предки, хищный. Ламедонская баллада, или Что получается, если играть в ролевой по Толкину без канона Лучник на небо взглянул в упор, Ждёт тетиву стрела: - Гости к вам, кажется, лорд Ангбор, Жалуют на орлах! Строились люди вдоль крепких стен, Каждый готовил меч… - Мир не вращается без измен. Лучше б навек, у её колен, Под Лихолесьем лечь… Белыми искрами жжёт Кольцо В бешеной синеве… Это Артанис, её лицо… Нет, - их, похоже, две! Там на соседнем сидит орле Та, что смугла, быстра, Лишней промашки не даст стреле, Враг мой - её сестра! Молнией солнечной мчит орёл Ношу в далёкий бор… Замок не нужен, не льстит престол Леди Туманных Гор. Север… Синеется лес Фангорн На горизонте дней. - Что Лихолесье, что Эребор, - Как по холмам по весенним нор - Шрамов и дыр во мне. Помнишь, учил тебя строить лук? - Выстрел твой спас орла, Мне ж – на погибель из тех же рук В шею вошла стрела… Помнишь об эльфах и орках спор?.. - Всё это ныне - дым. - Леди Артанис Туманных Гор Мимо скользит, не подъемля взор, Сердце её - с другим. Вот и жалей их, гламурных плакс, Клятвы и жизнь готовь… Только лишь вежливость между клякс - За пролитую кровь. Длинные локоны под луной, Травы, бинты и мгла… - Леди Артанис в тиши лесной - С айну крылатым, а не со мной. С той стороны… стрела. Искупление

"Я обнимала мачты кораблей, Ломоть последний отложив коню, - Как воинов сестра и дочь царей, В изгнании свободу сохраню." Крылами плащ ложился на плечах, За нею свет стелился по горе. И меч в руке играл и пел в лучах, Как юный жеребёнок на заре... И кудри к ветру отпустил венец... И жертвенник палил владенья Зла. И лук, и свитки грамот, и дворец Горели ярким пламенем, - ларец Она одним лишь взглядом отперла... Там жемчуг и рубины без числа; Там горностая мех, гербы и плеть… Как в каплях алых молния бела! - Рука её, в осколках от стекла, Поставив росчерк, хартию прожгла, - Прорвав печать, там роза проросла... - Я всё, что здесь имела, отдала... И он уже не сможет умереть. Мотылёк Трепещущий на ветке мотылёк Из ветра чутко впитывает звуки Отрады своей будущей иль муки, От мира и сует его далёк… В его узоры тайно вплетены Иных краёв цветы и ароматы, - Чьей послан воли вестником крылатым, Не с райской ли летит он стороны? Прозрачным лепестком – то ль звёздный звон Смахнув с высот, то ль светлый отблеск лунный, - Лиловым вздохом осеняя струны, На лютню тихо опустился он… Народ ждёт музыки, - молчит певица: Знакомых струн коснуться вдруг боится, Иль слой пыльцы нарушить на крыле,

Иль мотылька спугнуть в горячей мгле, Иль силой чар – миг словно вечность длится?

Возражение Барнсу Над окаянной скорбною землёю Восходит ночь, - и маг, считая звёзды, В тайник их прячет свет с улыбкой злою... На лестницу восхищу в миг я поздний Сокровище последнее с собою, А жребий даст слезинка в лоне розы. И, в силу нерасчётливости лиры, - Какие б в спину ни неслись шипенья, Минуя в ряд застывшие кумиры, - Где изолью, и в пламени, и в пеньи Кувшин я свой с благоуханным миром - Там лягут белым облаком ступени. Несовершенства нашего уродство - Резцу Творца противящийся камень, Где с первозданным обликом несходство, - Всё факел попалит, небес он знамя. Вдруг слабость перевесит благородство? - Но оправданьем жизни станет пламя. Со славословьем, бранью или плачем, - При перевязках есть ли грань приличий? - Мы сущность на мосту уже не спрячем. Хоть непомерность трат и необычна, - Но кто границы той цене назначит В горнило сфер восшедшей Беатриче?! Я буду в вечности гореть над миром Улыбкой радуги, касаньем солнца - И больше дам, чем здесь, в скитаньях сирых. Сквозь облака и тлен, - душа вернётся, Чтоб осенить руки касаньем мирным, Чтоб сил прибавить тем, кто остаётся... Что знает плоть про белый огнь эфирный?